

Кекшаева А.Б.,
Калмыцкий государственный университет
имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА

В последнее время проблема развития русского языка считается в Российской Федерации особенно актуальной. Большинство ученых-лингвистов стараются поведать о новых направлениях, однако этот вопрос является непростым вследствие темпа, с которым слова рождаются и умирают. Вместе с тем современный русский язык функционирует в огромном количестве вариаций, которые порой отчетливо не различимы. Язык в наше время развивается по меньшей мере по пути усложнения структуры и упрощения системы языка; сам язык все более упрощается вследствие наивысшего развития его упорядоченности, но использовать его становится всё труднее из-за расширения социальной базы, которая им пользуется.

Прежде всего следует определить, что же такое «молодежный жаргон» в современном понимании. «Молодёжный сленг - социальный диалект людей в возрасте 12 - 22 лет, возникший из противопоставления себя не столько старшему поколению, сколько официальной системе. Бытует в среде городской учащейся молодежи и отдельных замкнутых референтных группах. Референтная группа - это социальная группа, которая служит для индивида своеобразным стандартом, системой отсчета для себя и других, а также источником формирования социальных норм и ценностных ориентаций». Всякие подвижки в языке вызывают ярость и многочисленные споры со стороны ревнителей языка. Это очень странно - лингвисты и филологи, педагоги и исследователи, относящие себя к ревнителям языка,

первыми ополчаются на пополнение языка и одновременно гордятся его динамичностью и тем, что «язык развивается» [Ахманова 1964: 419].

В первой половине XX века уже М. Горький отмечал: «С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно - в общем - восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками как, например, «мура», «буза», «волыннить», «шамать», «дай пять», «на большой палец с присыпкой», «на ять», и т.д. и т.п.» [Горький 1935: 142]

В той или иной неформальной культуре молодежный жаргон является одним из способов самовыражения, самоидентификации своего «я». Любой человек проходит через тот возрастной период, когда его лексика засоряется различными словами, которые не имеют ничего общего с тем языком, который соответствует норме. С течением времени большая часть сленгизмов исчезает, однако какие-то из них молодежь использует всю оставшуюся жизнь, при этом совсем не думая, кто и когда их придумал. Так, общеизвестный на сегодняшний день жаргонизм «стебаться» родился еще в 70-е годы прошлого века. А, например, слово «герла» (девушка), которое использовалось тогда же, теперь совсем не используется.

Лингвисты обращают внимание на четыре периода в эволюции молодежного жаргона в России. Первый период пришелся на 20-е годы прошлого века. Сильный импульс для изучения различных пластов русской речи дала Великая Октябрьская революция 1917 года. Так, в 1918 году был создан Институт живого слова, который занимался проблемами социальной диалектологии. В 20-30 гг. XX века создаются труды Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, Б.А. Ларина и др., которые изучали вопросы жаргонов, аргос и других условных языков. Вместе с тем иногда «язык революции» расценивается как «революция языка». Язык бедных, люмпен-пролетариата в некоторых случаях возводился в степень «языка будущего». Или же, наоборот, создавал отторжение, воспринимающееся словно невежество, представляющее опасность и, которое угрожает безупречности и

монолитности русского языка. В Советском энциклопедическом словаре читаем: «В противоборстве устоявшихся элементов и нарождающихся, спорных явлений происходило утверждение новых литературных норм. Завершающим этапом формирования нормы стало издание «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова» [СЭС, 1980: 1233].

Это было время не только категорического забвения классического русского языка XIX в., чуть окутанного пеленой и дымкой декаданса «серебряного века», но и период сильнейших потоков новых слов и грамматических подновлений. Вся революционная грамматика, стилистика и лексика насаждалась в русский язык не только и не столько вождями пролетариата, сколько маленькими революционерами.

Вторым периодом считаются сороковые годы прошлого столетия. В эти годы появляется совершенно многогранный жаргон. Прежде всего это было время Великой Отечественной войны. В сущности, все практически возобновилось вновь: обездоленные дети на попечении у государства из суворовского и нахимовского училищ, беспризорные пацаны, сироты. Они многое пропустили в учебе. Дети бродяжничали, скитаясь по городам и весям, находились вынужденно в эвакуации, и у отцов или матерей порой не было возможности приглядывать за детьми, чтобы они правильно развивались. У большинства детей речь была неграмотной, неряшливой, отрывистой, засорена словами-паразитами. Во время первой волны после Великой Октябрьской революции одинокие и беспризорные дети большей частью вливались в криминальную среду, и в процессе второй, военной ситуации, они также пополняли ряды хулиганов и воров. Для наглядности приведем популярную в то время песенку: Порыбачив у реки/ Кто-то стырил башмаки//Я не тырил, я не брал/Я на шухере стоял//.

Третий период – это шестидесятые-семидесятые годы XX века. Молодежный жаргон значительно пополнился и преобразился с появлением так называемых стилиг. «Одновременно со своей особенной модой (узьенькие

брючки, пиджаки в клетку, ярко-пестрые галстуки, туфли на толстой каучуковой подошве) стилисты создали и собственный жаргон, в какой-то мере почерпнутый из других языков, частью из среды музыкантов, немного неизвестно из каких кругов» [Запесоцкий 1990: 68]. Из народного творчества тех времен: «Прежде внимал Баха фуги/ А сейчас лабаю буги».

Описание ночных событий из уст молодого человека из шестидесятых мог бы выглядеть приблизительно в таком стиле: «Вечером похилияли мы по Бродвею, мой кореш пообещал подогнать шузы на каше, а также про котлы из штатов гнал, только не повезло — фраер нас кинул, совпаршив подбросил бог знает какой из Риги. Остались мани, заглянули в «Аист», но там какие-то жлобы подняли хай из-за моей барухи. На мою хазу никак нельзя: шнурки в стакане. Так к ней завалили. Чучу на костях слушали, стилияли почти до рассвета и потом вырубились».

Возникновение третьего периода относится не ко времени кипучих исторических событий, а к эпохе застоя, ко времени, когда удушающая среда жизни общества семидесятых-восемидесятых годов прошлого века сформировала различные молодежные субкультуры, и молодые «хиппи» породили свой «системный» жаргон как языковое движение против официальной идеологии. Появились такие слова как «герла» - молодая особа; «траузера» - брюки; «хайратый» - волосатый молодой человек, хиппи; «шузняк» - любая обувь; «сейшен» - пирушка, гулянка; «хипповать» - действовать самостоятельно, игнорируя общественные нормы и др. На подобном жаргоне Б. Гребенщиков, лидер рок-группы «Аквариум», написал свою пьесу «В объятиях джинсни» (1971). В то время существовал такой анекдот. Бабулька просит молодого человека: «Юноша, можете мне перейти улицу?» «Первое, не юноша, а хайратый, второе, не перейти улицу, а перекинуть кости на тот берег. И третье, обратись с этой просьбой вон к тому свистуну» и показывает на милиционера. Бабулька обращается к милиционеру: «Свистун, сможешь мне перекинуть кости на

тот берег?». И в ответ услышала: «Хиппуешь, клюшка?..» [Запесоцкий 1990: 68].

Четвертый период молодежного жаргона относится к восьмидесятым-девяностым годам прошлого века. Этот период был особенно внушительным и самым долговременным. Девяностые годы стали переломным моментом, во время которого внутривнутриполитические катаклизмы Советского Союза проявились чересчур явственно. Во время перестройки случилась реальная активизация в исследовании сниженных стилей русского языка. Такой «бум» можно объяснить произошедшим всплеском свобод - гражданских и языковых. Бурные общественные изменения обусловили существенные перемены в стилистике устной и письменной речи [Химик 2004: 20].

История о том, как посещение дискотеки в восьмидесятые годы для некоторых молодых людей закончилось не очень хорошо: «Вчера сходил на сейшен с карефаном и его биксой, сверхчеткой чувихой. Музыка отпадная, чувачки на площадке зыко подпрыгивали. Все кучеряво было, но пока менты не наехали и не накрыли диско. Как выяснилось, какой-то утюжок как раз на месте начал толкать разную фигню, так его сердягу и взяли».

А вот как молодой человек из девяностых описывает своему товарищу свидание со своей девушкой: «Вчера вечером с одной клюшкой встретился, такая шебутная, просто сама Забава Путятишна, трещит не смолкая, прикид на ней выглядит прикольно. Я сперва постебать ее хотел, а она так меня загрузила, что мама не горюй. Почувствовал, что это не прокатит. В общем, в следующую субботу у друга сабантуй наметился, так позвал ее туда».

С лексическим запасом молодежи XXI в., пожалуй, можно сравнить стихийную обстановку, которая придает языку, что-то необычное, неординарное или отторгаемое: язык музыкальных почитателей-фанатов, масс-медиа, жаргон компьютерщиков, речь простых горожан, английский язык и тюремный жаргон. Все эти составляющие имеют свою среду, свое содержание и вместе с тем предоставляют обширное поле для заимствования.

Происходит заимствование компонентов и из литературного языка, притом они переосмысливаются в игровом, ироническом ключе: тебе, я вижу, это совершенно параллельно, ему исключительно фиолетово, да мне по барабану. Например, такая ситуация: две девушки из 2018-х планируют свой вечер: «Прошвырнуться нынче не выйдет, погодка — полный абзац, на улице обломный дождь, хлещет как из ведра и зуботряска! Посему погнали в пати, я просчитала. Однако не канючь опять, чтобы я зеркалку взяла, она нелегкая реально. Мыльницу нам хватит за глаза, чтобы нафоткаться. Да и дружка своего, того, который на хипстера похож, не зови. Он, вроде бы, и прикольный чел, да слишком дичный после дринка. Ну давай, как подъеду, так сразу попрошайку сброшу, у меня по ходу на мобильнике нет баксов».

Если в предшествующих периодах несчастливому детскому возрасту и его языку противопоставлялась официальная мораль, то сейчас ничего такого не существует. Масс-медиа не прочь использовать жаргон в открытую и теряя чувство меры, превращая «новую феню» в родной язык молодых людей. «Клево», «туса», «забить» и т.п. устремились из мест не столь отдаленных в периодические издания и на экраны телевизоров. Сочность и свежесть общего жаргона сделали его притягательным для всех носителей русского языка, которые стремились обратить свой язык в еще более выразительный или же противопоставить себя кому-либо другому. Все это подвергалось обсуждению и подхватывалось сатириками, политическими деятелями, правительствами, предпринимателями, журналистами.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1964.
2. Горький А.М. О языке // О литературе. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1935.
3. Запесоцкий, А. Эта непонятная молодежь... Проблемы неформальных молодежных объединений - М., 1990. – 270 с.

4. Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1980.
5. Химик, В.В. Язык современной молодежи, Современная русская речь: состояние и функционирование. - СПб., 2004.